О

СОСЛОВІЯХЪ И СОСТОЯНІЯХЪ

ВЪ РОССІИ.

А. Кошелевъ.

МОСКВА.
Печатня С. П. Яковлева, Петровка, Салтыковскій пер., д. № 11.
1881.

Дозволено цензурою. Москва, 29 апрѣля 1881 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

697532

Изъ газеты „Земство“.

Много у насъ говорятъ и даже пишутъ о сословіяхъ, о всесословности, о всесословныхъ учрежденіяхъ и единицахъ, и пр.; а между тѣмъ, сословій-то у насъ нѣтъ ни въ жизни, ни въ законѣ. Были попытки ихъ ввести и установить, но всѣ онѣ сокрушались о нашъ народный духъ и бытъ, не имѣли, для своего осуществленія, никакихъ историческихъ основъ, и не находили почвы для своего развитія. Томъ IX Свода Законовъ, говорящій о правахъ русскихъ гражданъ, озаглавленъ: „Сводъ законовъ о состояніяхъ“; слово „сословіе“ очень рѣдко тамъ встрѣчается, и только во избѣжаніе слишкомъ частаго повторенія слова „состояніе“. Высшее у насъ состояніе—дворянство—называется въ „Сводѣ“, въ самой важной его статьѣ, не „сословіемъ“ а просто „названіемъ“ *). Были сословія въ западной Европѣ; тамъ они имѣли смыслъ историческій; имѣются остатки сословій въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ; у насъ же они вводились, но не ввелись, и остались лишь въ памяти и умѣ людей,

*) Свод. Зак. т. IX, ст. 15. Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствующихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами: чѣмъ, обращая самую службу въ заслугу, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное.

стараго не забывающихъ, а новаго, дѣйствительно сущаго, не знающихъ и не понимающихъ.

Замкнутость и привилегированность составляютъ необходимыя принадлежности понятія о сословіи. Гдѣ же онѣ у насъ имѣются? Стоитъ человѣку дослужиться до чина прежде коллежскаго асессора, а теперь дѣйствительнаго статскаго совѣтника (а кто теперь у насъ не „превосходительство“) или получить орденъ св. Владиміра 4-го класса, и онъ становится потомственнымъ дворяниномъ; стоитъ мѣщанину, или кому угодно внести гильдейскую пошлину, и онъ — купецъ 1-й или 2-й гильдіи, глядя по суммѣ внесенной подати. Быть мѣщаниномъ или цѣховымъ еще легче. Слѣдовательно, замкнутости, требуемой понятіемъ о сословіи—у насъ нѣтъ.—Привилегированность прежде у насъ дѣйствительно существовала и даже довольно значительная: одни дворяне могли владѣть людьми и населенными имѣніями, изъяты были отъ тѣлесныхъ наказаній и пользовались освобожденіемъ отъ обязательной военной службы, а купцы, мѣщане и цѣховые заправляли всѣми городскими дѣлами и первые изъ нихъ не подвергались рекрутству. Но, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей отъ владѣвшихъ ими дворянъ, съ распространеніемъ воинской повинности на всѣ состоянія, съ отмѣною тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ состояній, кромѣ крестьянъ по приговорамъ ихъ собственныхъ судей, и съ предоставленіемъ всѣхъ правъ городскихъ обывателей всѣмъ домовладѣльцамъ и многимъ другимъ лицамъ, живущимъ въ городѣ, почти всякая привилегированность

B15 749

исчезла, и послѣдніе остатки ея такъ незначительны, что объ нихъ не стоитъ говорить и, во всякомъ случаѣ, они не могутъ составлять сословныхъ оградъ.

Что же у насъ имѣется? По Своду Законовъ имѣются состоянія: дворянство (потомственное и личное), духовенство (монашествующее и бѣлое), городскіе обыватели (почетные граждане, купечество, мѣщане, цѣховые и рабочіе люди), сельскіе обыватели (крестьяне и поселяне собственники и крестьяне временно-обязанные), инородцы и иностранцы. О послѣднихъ мы говорить не будемъ, а о первыхъ четырехъ здѣсь побесѣдуемъ.

Составляетъ ли и можетъ ли составить нѣчто цѣлое, самобытное, общими интересами связанное, то состояніе, именующееся дворянствомъ, которое разсѣяно на всемъ пространствѣ имперіи, состоитъ на службѣ государственной, общественной и компанейской, занимается торговлею и промышленностью или спокойно проживаетъ въ деревняхъ и ограничивается сельскимъ хозяйствомъ? Тоже можно спросить и о городскихъ обывателяхъ, которые, и по образованію и по своимъ занятіямъ и интересамъ, почти вполнѣ между собою расходятся. Да къ тому же, города у насъ никогда не составляли и теперь не составляютъ, какъ въ западной Европѣ, существенной, весьма вліятельной части нашего населенія. И не дай Богъ, чтобы когда либо это приключилось. Самую многочисленную часть нашего населенія—80 его процентовъ—образуютъ крестьяне—жители селъ и деревень, крѣпко привязанные къ землѣ, если уже не закономъ, то своимъ бытомъ, своею

къ ней любовью. Но они мало развиты, обременены физическимъ трудомъ, коротко знакомы лишь съ своими односельчанами, ближайшими сосѣдями и немногими людьми, съ которыми они встрѣчаются на базарахъ и ярмаркахъ. Конечно численностью, самобытностью и устойчивостью они составляютъ главную суть нашего населенія; но сами по себѣ, въ общегосударственномъ отношеніи, они не образуютъ самостоятельной силы.—Мы не говоримъ о духовенствѣ, ибо оно есть не наслѣдственное состояніе—собственно не состояніе, а духовная магистратура, какъ судьи, какъ чиновничество вообще. Гдѣ же у насъ сословія? Что же наконецъ у насъ есть?

У насъ есть то, чего нѣтъ въ западной Европѣ, чего отсутствіе ее волнуетъ и тревожитъ, и что́ стремятся тамъ создать, но до сихъ поръ съ малымъ успѣхомъ, хотя и съ большими усиліями и даже насиліями; у насъ имѣется не высшее, не среднее,—не иное какое либо сословіе, а совокупность ихъ—земство. Нѣтъ у насъ ни феодальнаго аристократизма, ни демократизма пролетаріевъ. Пожалуй, имѣются еще люди, воображающіе себя лордами, маркизами или просто баринами; проявляются и безумцы-либералы, и безумцы-соціалисты, и безумцы-анархисты; но это—привозныя произведенія, или залежавшіяся въ подвалахъ, или болѣзненно развившіяся на чуждой имъ почвѣ. Всѣ попытки устроить у насъ сословія и сословныя учрежденія не имѣли успѣха—это были, если и не мертворожденныя, то совершенно безсильныя чада нашей страсти къ подражанію, нашей несамобытности въ высшихъ слояхъ

B15 749

общества. Въ западной Европѣ насильственно уничтожались сословія; а потому и до сихъ поръ въ жизни они сохраняютъ болѣе или менѣе свое значеніе; у насъ они исчезаютъ сами собою. Вспомните, какъ совершилось у насъ освобожденіе крѣпостныхъ людей: одни приняли свободу, а другіе имъ ее возвратили какъ должное—тихо и спокойно, безъ всякихъ волненій и безпорядокъ. Точно также крестьяне, еще вчерашніе наши крѣпостные люди, сѣли съ нами рядомъ въ земскихъ собраніяхъ, какъ будто вѣкъ такъ сидѣли. И все это отъ чего? Отъ того, что общечеловѣческія чувства крѣпко укоренены въ духѣ нашего народа, что исторіею они не искажены и что православная наша церковь ихъ въ немъ развивала. Наше государство представлено не дворянствомъ, не городами, не крестьянствомъ, а всемъ населеніемъ—земствомъ, т. е. всемъ народомъ русскимъ, безъ всякихъ исключеній. Къ сожалѣнію, этого еще многіе не понимаютъ. Если земство еще недостаточно развито, если оно еще не надлежаще представлено и не имѣетъ подобающей ему силы, то виною тому не самая суть земства, а разныя временныя и отъ него независящія обстоятельства.

Долго у насъ не понимали и не хотѣли понять сути нашей сельской общины; да и до сихъ поръ многіе плохо ее постигаютъ и надлежаще ее не цѣнятъ. Она имъ является если и не въ видѣ Парижской комунны, то въ образѣ какого-то соціалистическаго сообщества. Эти люди видѣли въ нашей сельской общинѣ не оплотъ, не залогъ нашей устойчивости и обща-

го спокойствія, а источникъ, угрожающій намъ въ будущемъ волненіями и гибелью всего выработаннаго „цивилизаціею“. Многихъ это заставляло и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ побуждаетъ вооружаться противъ общиннаго землевладѣнія и стремиться къ замѣнѣ его личнымъ землевладѣніемъ. И въ Положеніе 19 февраля 1861 года, и въ разныя узаконенія и министерскіе циркуляры включены были косвенныя мѣры къ подрыву общиннаго землевладѣнія; но, слава Богу и духу русскаго народа, община стоитъ твердою и непоколебимою.

Точно такъ и слово „земство“ еще многихъ коробитъ и возбуждаетъ въ нихъ понятія ложныя и съ дѣйствительностію вовсе несогласныя. Этимъ господамъ земство представляется какимъ-то скопищемъ народниковъ, враждебныхъ правительству и высшимъ слоямъ общества, и гнѣздомъ революціонныхъ замысловъ. А потому, они считаютъ государственною мудростью и долгомъ истаго русскаго дворянина стѣснять сколько можно права земства, ограничивать его дѣятельность чисто хозяйственнымъ дѣломъ и перечить ему во всѣхъ истинно земскихъ дѣйствіяхъ. Для нихъ исторія молчитъ, память имъ измѣняетъ, и они никакъ не могутъ понять, что столѣтіе, истекшее съ обнародованія Высочайшей грамоты, данной дворянству, несомнѣнно и вполнѣ доказало, что одно дворянство, даже при бывшемъ подавленіи, почти порабощеніи остальныхъ сословій, и при обладаніи огромными пространствами лучшихъ земель, ничего существеннаго сдѣлать не могло, не въ силахъ было пріі-

обрѣсти значеніе въ государствѣ и осталось сословіемъ служилымъ, снаружи, въ чужомъ видѣ образованнымъ, но внутренно, въ русскомъ духѣ, мало развитымъ, и потому безсильнымъ въ своей землѣ. Не очевидно ли, что у насъ никакая часть населенія, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не можетъ замѣнить его совокупности, что это не въ нашихъ нравахъ и понятіяхъ, и что дѣйствительная сила у насъ живетъ въ единствѣ всѣхъ отдѣловъ народа—въ земствѣ. Наше государство по преимуществу не дворянское, не городское и не крестьянское, а оно обще-земское. Къ сожалѣнію, этого еще многіе не сознаютъ; и это именно и причиною нашей слабости и шаткости—того, что мы еще не сами собою.

Какъ слѣдуетъ, настоящимъ образомъ, понимать „земство“? Сплошная ли это масса народная, пользующаяся или имѣющая пользоваться совершенно одинакими правами, существующая или имѣющая существовать безъ всякихъ подраздѣленій, и представляющая или имѣющая представлять міру образецъ единаго стада безъ всякихъ отличій и преимуществъ?— Конечно, нѣтъ: такимъ земство представляется только его врагами или людьми, вовсе его не понимающими. Единство можетъ быть и при разнообразіи, которое составляетъ необходимое условіе къ развитію человѣческой дѣятельности. Народъ можетъ подраздѣляться и по роду занятій, и по мѣсту жительства; онъ можетъ пользоваться разными правами и по степени развитія, и по потребностямъ избранной дѣятельности; но важно, необходимо, чтобы никакія особен-

ныя права по рожденію, сирѣчь привилегіи, и никакія сословныя перегородки не стѣсняли общей народной дѣятельности, не препятствовали ея развитію и не вселяли враждебности въ общій бытъ народа. Необходимо, чтобы никакой отдѣлъ, никакое состояніе не было замкнутымъ—чтобы всякій, по своему желанію и по своимъ средствамъ, могъ быть въ томъ или другомъ отдѣлѣ или состояніи и даже одновременно во всѣхъ состояніяхъ. Къ счастію, это у насъ совершенно возможно и даже не требуетъ никакой коренной ломки.

У насъ въ дѣйствительности, въ нашемъ нынѣшнемъ бытѣ имѣются три состоянія, отличныя другъ отъ друга и по своимъ интересамъ, и по другимъ особенностямъ; а именно: горожане, личные землевладѣльцы и крестьяне-общинники или крестьяне, хотя владѣющіе землею подворно или лично, но соединенные въ сельскія общества. Всякій изъ насъ можетъ, по своимъ личнымъ средствамъ и желаніямъ, быть и тѣмъ и другимъ и даже третьимъ, и даже одновременно быть и горожаниномъ, и личнымъ землевладѣльцемъ, и крестьяниномъ.

Эти три, въ дѣйствительности существующія состоянія никакъ не могутъ сливаться воедино въ первичныхъ, ежедневныхъ, чисто-мѣстныхъ своихъ проявленіяхъ, ибо образъ жизни и интересы ихъ слишкомъ различны. Горожанинъ не можетъ вполнѣ знать и себѣ усвоить потребности поселянина; и на оборотъ. Тоже должно сказать и о личномъ землевладѣльцѣ и о крестьянинѣ-общинникѣ; но какъ послѣднее у насъ

еще плохо понимается и многими оспаривается, и какъ неустанно толкуютъ о слитіи воедино личныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ въ волости или иной мелкой земской ячейкѣ, то попытаемся хотя нѣсколько разъяснить это недоразумѣніе.

Крестьяне, въ своемъ бытѣ, преимущественно руководствуются существующимъ у нихъ обычаемъ и, слава Богу, они еще строго не подчинены, особенно въ гражданскомъ отношеніи, нашему писанному закону; у насъ же, личныхъ землевладѣльцевъ, никакихъ давнихъ, временемъ освященныхъ обычаевъ нѣтъ, и мы безусловно подлежимъ постановленіямъ писаннаго закона. У крестьянъ есть свое общество, своя общая земля, свои общіе обычаи, свое (для многихъ изъ насъ непонятное) братство; а у насъ ничего такого или даже подобнаго нѣтъ, и мы знаемъ нашихъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ только по спискамъ, и потому, что разъ въ три года съѣзжаемся, на одинъ день, для выбора гласныхъ. И образъ жизни, и степень развитія, и множество разныхъ обстоятельствъ полагаютъ между крестьянствомъ и личными землевладѣльцами, по крайней мѣрѣ въ огромномъ большинствѣ лицъ того и другаго состоянія, такія рѣзкія различія, что совокупить ихъ въ одной мѣстной мелкой единицѣ—нѣтъ никакой возможности; и всѣ попытки въ этомъ смыслѣ не могутъ не остаться безуспѣшными и даже не привести къ совершенно противуположнымъ результатамъ. Замѣчательно, но вполнѣ понятно, что проекты такого объединенія исходятъ или отъ людей враждебныхъ общинному землевладѣнію и общинѣ вообще,

или отъ теоретиковъ и идеалистовъ, увлекающихся идеями и вовсе не знающихъ нашего сельскаго быта. Для разубѣжденія послѣднихъ, даже самыхъ ярыхъ изъ этихъ объединителей, достаточно было бы имъ отправиться на одинъ годъ въ деревню для личнаго тамъ веденія сельскаго хозяйства и для посѣщенія засѣданій волостныхъ правленій, судовъ и сходовъ. Исцѣленіе враговъ общиннаго землевладѣнія много труднѣе: для этого надо, чтобы крестьяне отъ него отказались (что̀ едва ли когда совершится), распродали кулакамъ доставшіяся въ личную собственность земли (что̀ при отмѣнѣ общиннаго землевладѣнія было бы неминуемо), и чтобы пришедшіе въ крайнюю нищету, крестьяне вынуждены были насильственно требовать отъ личныхъ землевладѣльцевъ необходимой помощи въ избѣжаніе голодной смерти для себя или разграбленія и рѣзни имущихъ. Надѣемся, что до такой крайности враги общиннаго землевладѣнія не доживутъ и прежде обратятся въ его цѣнителей и сторонниковъ.

Отъ чего и общинное землевладѣніе, и община, и земство у насъ плохо понимаются людьми образованными, и не одними петербургскими администраторами, но и многими земцами? Конечно отъ того, что мы живемъ болѣе чужимъ, чѣмъ своимъ умомъ, что мы Францію, Германію и Англію и ихъ исторію лучше и болѣе знаемъ, чѣмъ свою землю и свое прошедшее, и что мы хотимъ все устраивать по уже имѣющимся образцамъ, даже не замѣчая, что и изъ тѣхъ странъ каждая имѣетъ свои особенности и очень значительныя, и что нѣтъ возможности, безъ собственнаго обезсиле-

нія и изуродованія, втискивать Россію въ чуждый ей бытъ.

У насъ, какъ мы выше сказали, имѣются три состоянія, и каждое изъ нихъ имѣетъ въ себѣ причину для самостоятельнаго существованія. Нѣтъ никакого повода и даже никакой возможности насильственно соединить, какъ нѣкоторые предполагаютъ, личныхъ землевладѣльцевъ съ крестьянами — общинниками и даже необщинниками. Объ этомъ неоднократно мы говорили и еще будемъ обстоятельно говорить въ особой статьѣ, которая напечатана будетъ въ слѣдующемъ № *Земства*. Здѣсь мы только упоминаемъ о самомъ фактѣ существованія у насъ, въ настоящее время, состояній личныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ; и противъ этого никто возражать не можетъ.

Горожане имѣютъ свои управы, думы и городскихъ мировыхъ судей; у крестьянъ имѣются сельскіе сходы и старосты, волостныя управы, волостные суды и сходы. Если эти учрежденія не вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію, то виною тому неудовлетворительное ихъ устройство; но нѣтъ достаточныхъ причинъ и, думаемъ, никакой надобности въ ихъ отмѣнѣ и замѣнѣ иными установленіями. И это тѣмъ несомнѣннѣе, что крестьяне, жалуясь на свои правленія и суды, вовсе однако не желаютъ ихъ упраздненія и никогда не высказываютъ такой просьбы. Личные землевладѣльцы изъ дворянъ имѣютъ своего предводителя; но личные землевладѣльцы изъ другихъ сословій лишены всякой связи между собою и съ остальными лицами своего землевладѣльческаго состоянія.

А между тѣмъ число личныхъ землевладѣльцевъ изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ увеличивается съ каждымъ днемъ. А потому устройство этого состоянія совершенно необходимо и неотложно. Затрудненій и неудобствъ къ тому нѣтъ никакихъ; а потребности въ томъ высказываются весьма рѣзко и настоятельно. Стоитъ только къ дворянамъ-землевладѣльцамъ присоединить землевладѣльцевъ изъ другихъ такъ называемыхъ сословій, и тогда образуется окончательно и законно уже на дѣлѣ существующее состояніе личныхъ землевладѣльцевъ. Пусть они избираютъ своего предводителя, пусть имѣютъ свою опеку, пусть отъ времени до времени собираются для обсужденія дѣлъ и интересовъ своего состоянія. Особаго суда имъ, какъ и горожанамъ, не нужно, ибо для нихъ существуютъ мировые судьи, земствомъ избранные, и общія судебныя учрежденія. Важно то, чтобы русскіе граждане, по мѣсту своего жительства и по своимъ мѣстнымъ интересамъ, всѣ, безъ исключенія, составили отдѣлы единаго земства, чтобы ни одинъ изъ этихъ отдѣловъ не былъ замкнутъ, не пользовался привилегіями, вредными или убыточными для прочихъ, и чтобы между ними было, пожалуй, соревнованіе, но отнюдь не враждебное настроеніе. Пусть продолжаютъ существовать у насъ и дворянское „названіе“, и купечество, и мѣщанство, и цѣхи; нѣтъ никакой надобности въ ихъ отмѣнѣ; они вѣроятно сами собою и незамѣтно исчезнутъ; существенно, необходимо одно—чтобы дѣйствительно существующія состоянія равноправно соединялись въ земствѣ и чтобы ни одинъ его отдѣлъ не господ-

ствовалъ надъ остальными. Необходимо, чтобы, въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, голосъ преобладающаго по владѣнію отдѣла былъ не сильнѣе, а скорѣе нѣсколько слабѣе соединенныхъ голосовъ прочихъ двухъ отдѣловъ. Конечно, владѣніе не есть безусловно вѣрный criterium того вліянія, которое желательно установить въ земствѣ, но пока онъ есть лучшій и вѣрнѣйшій. Число обывателей, т. е. suffrage universel, гдѣ оно принято основаніемъ для выборовъ и другихъ народныхъ рѣшеній, оказывается на дѣлѣ далеко не вполнѣ удовлетворительнымъ выраженіемъ народной воли. Установить экзамены и по ихъ результатамъ распредѣлять власть—есть такое предположеніе, которое серіозно никѣмъ и не дѣлалось. Слѣдовательно, имущественный цензъ, съ нѣкоторымъ присовокупленіемъ къ нему ценза образовательнаго—вотъ одно разумное основаніе для личныхъ выборовъ; но, при распредѣленіи голосовъ между отдѣлами, послѣдній цензъ не долженъ быть принятъ въ разсчетъ, ибо уже и безъ того образованный человѣкъ или таковой же народный отдѣлъ съумѣетъ взять верхъ или власть надъ необразованнымъ людомъ. А потому въ мѣстностяхъ, гдѣ личное землевладѣніе превышаетъ крестьянское землевладѣніе, тамъ крестьянство и городъ должны имѣть столько или немного больше голосовъ, чѣмъ личное землевладѣніе; гдѣ же крестьянское землевладѣніе превышаетъ личное, тамъ послѣднее вмѣстѣ съ городомъ должны имѣть столько же или немного болѣе голосовъ чѣмъ крестьянское землевладѣніе. Думаемъ, что для настоящего времени и для нашей страны, это распредѣленіе власти между раз-

личными отдѣлами земства есть лучшее и самое для него соотвѣтствующее?—Считаемъ нужнымъ здѣсь оговориться: мы вовсе не желаемъ сохранить за личными землевладѣльцами то преимущество, которымъ нынѣ пользуется дворянство, т. е. предсѣдательство и въ земскомъ собраніи и въ училищномъ совѣтѣ: пусть въ нихъ предсѣдательствуютъ лица по избранію самихъ учрежденій. При этомъ и дворянство въ убыткѣ не будетъ: какъ оно есть самое просвѣщенное и по землевладѣнію самое имущее состояніе, то голосъ его въ земствѣ останется все-таки господствующимъ, лишь бы усердно и со смысломъ оно занималось земскимъ дѣломъ. Слѣдовательно, дворяне же будутъ предсѣдательствовать, но уже по избранію, а не въ силу привилегіи.

Думаемъ, что это, не требующее никакой ломки, на дѣлѣ существующее и закономъ почти утвержденное устройство земства, въ трехъ его отдѣлахъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ нашей земли и нисколько не противно духу нашего государственнаго порядка. Думаемъ, что еслибы это устройство было окончательно и положительно закономъ освящено, то прекратились бы и попытки нашихъ рыцарей возстановлять то, что никогда у насъ не существовало, и затѣи нашихъ идеалистовъ, мечтающихъ о введеніи того, что противорѣчитъ нашему народному быту и интересамъ не только тѣхъ, которыхъ они хотятъ принизить, но и тѣхъ, которыхъ они думаютъ облагодѣтельствовать.